Злата Виноградская

После дождя будет солнце

Злата Виноградская

После дождя будет солнце

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371122
После дождя будет солнце / Злата Виноградская.: РИПОЛ классик; Москва; 2013
ISBN 378-5-386-05781-7

Аннотация

Любовь приходит внезапно и поражает в самое сердце. Так, молодая, красивая и преуспевающая бизнес-леди оказывается безнадежно и бесповоротно влюблена в своего нового сотрудника, который также отвечает ей взаимностью. Она пытается скрыть это чувство, но ничто не способно повернуть вспять водоворот нежности и страсти, обрушившийся на них двоих. Их тянет друг к другу как магнитом. Но эта страсть не имеет права на существование. Ведь у нее есть любящий и любимый муж и маленький сын, а он должен жениться через месяц на очень красивой и успешной актрисе…

Как выпутаться из этой ситуации без потерь? Возможно ли избежать предательства? Очень трудно сделать правильный выбор, особенно тогда, когда кажется, что его вообще не существует. Герои мучаются, страдают, а жизнь подбрасывает свои сюрпризы.

Это очень тонкий и красивый роман о любви и нежности, о непростом выборе, который предстоит сделать героям. Вместе с тем это очень жизненная история, которая может случиться с каждым из нас.

Благородство, ответственность и великодушие – вот что отличает героев романа. Книгу приятно читать. Кажется, что от каждого слова веет солнцем, нежностью, теплом и добротой. После таких книг мир кажется ярче и светлее, а ты сам становишься чуть лучше.

Содержание

Глава 1. Адюльтер на горизонте 4
Глава 2. Время не ждет 9
Глава 3. О чем говорят мужчины… 14
Глава 4. Когда просыпается страсть… 18
Глава 5. Ночное рандеву 23
Глава 6. Сказки на ночь 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Злата Виноградская
После дождя будет солнце

Глава 1. Адюльтер на горизонте

Хочешь тронуть розу – рук иссечь не бойся,
Хочешь пить – с похмелья хворым слечь не бойся.
А любви прекрасной, трепетной и страстной
Хочешь – понапрасну сердце сжечь не бойся!

Омар Хайям «Рубаи»

Оба опять молчали.

– Темка, о чем ты думаешь? – спросила Ума.

– Ни о чем.

– Так не бывает. Когда человек не думает, тогда это медитация, а ты не умеешь медитировать. Так о чем?

– А ты помешалась на своей йоге, – ответно куснул ее Артем. – Ну, не знаю, Умка, правда, не знаю, о чем я думаю.

Ума затянула в хвост свои роскошные волосы и, взглянув на Артема, сказала:

– Существует расхожее мнение, что мужчины каждую минуту думают о сексе. Вот скажи мне, это так? Ты сейчас об этом думаешь?

Она приблизилась к нему, так, что он чувствовал теплое прикосновение ее обольстительного тела. Не думать о близости с этим лакомым кусочком в данную минуту для нормального мужчины было просто невозможно. Однако, собрав всю свою волю и посмотрев куда-то мимо нее, Артем ответил:

– Нет, конечно. Солнце мое, откуда ты понабралась такой чуши?

– Да, тут на днях встречались с Сашкой Скворцовым.

– Ну и?.. Что он тебе наплел? Санька – он же мастер разговорного жанра. Нашла кого слушать. Он же пиарщик. Он кого хочешь в чем хочешь убедит. Он еще в детстве так виртуозно сочинял истории, почему он не сделал уроки, что учительница русского совершенно безвозмездно помогала ему делать домашние задания.

– Я Сашку тоже сто лет знаю, мы с ним прекрасно общаемся. Мне с ним интересно.

– Никто не спорит, мне тоже очень интересно, – согласился Артем, – ты когда-нибудь слышала, как депутаты его фракции лапшу людям на уши вешают? Скворцов – настоящий

профи, сочиняет как Лев Толстой. У Сашки всегда все так правдоподобно выходит, что из деревяшки слезу вышибает. Иногда мне кажется, что его работодатель моментами сам верит в то, что несет по телевизору. Но так он делает свою работу. Профессия у него такая – людям светлое будущее обещать.

– Ну, это люди, электорат, так сказать, а когда он с друзьями общается, он вполне адекватные вещи говорит, – возразила Ума.

– Он может так тебя заговорить, что запросто забудешь, как тебя зовут. У человека это с рождения, наверное – язык без костей!

– Ага, боишься? – позлорадствовала Ума. – Думаешь, он мне выдал сокровенные тайны мужского бытия?

– А че, нет? Партизанил?

– Нет, мы по-приятельски поболтали с ним о сексе.

– По-приятельски? – уточнил Береснев. – В мире теперь другие ценности? Теперь о сексе болтают с приятелями, а не занимаются им с любимыми?

– Береснев, ты безнадежен. Ревнуешь? Неужели? Черт возьми, я запомню этот день, обведу красным кружочком в своем календаре. Мне казалось, что ты во мне уверен. Ты же помнишь, что через месяц – наша свадьба! Так что, давай не будем устраивать истерик. Рано еще. Вот поженимся – тогда и побьем посуды вволю!

Артем криво улыбнулся и хмыкнул.

– Так о чем вы, как ты выражаешься, болтали со Скворцовым? – быстро спросил он.

– О сексе.

Казалось, смущение жениха забавляло ее. Ума Сабакина, молодая актриса популярного московского театра, всегда наслаждалась тем, что легко кружила голову мужчинам. Это было у нее в крови, передалось на генетическом уровне от прабабушки Марии, которая шестнадцатилетней девочкой уехала в Париж и была помолвлена с блестящим виконтом Луи де Кресси. Без пяти минут Мари де Кресси блистала на всех балах, была украшением светских вечеров в Париже начала двадцатого века. Как рассказывала Уме ее мать, дочь Мари, Жюльетта, виконт несколько раз стрелялся на дуэли, защищая свою честь и честь черноглазой Мари. На Мари заглядывались самые видные мужчины высшего общества, а она благосклонно принимала их знаки внимания. Луи безмерно страдал, но молчал, с трудом вынося за своей спиной все сплетни, вызываемые легкомысленным поведением своей невесты. Будучи предметом общих насмешек, он томился, ожидая, что чей-нибудь меткий пистолет направит пулю в его измученное сердце и положит конец этому нелепому союзу. Вопреки всем доводам рассудка, он беззаветно любил свою русскую избранницу, которую впервые увидел в кондитерской Паскаля, на углу бульвара Османн. Она вместе со своей маман выбирала пирожные, указывая тонким длинным пальчиком на замысловатые замки из засахаренных фруктов и крема, сочиненные умелым кондитером. Луи залюбовался ее грациозной фигуркой и точеными чертами лица. Когда он впервые услышал ее переливистый радостный смех, судьба его была решена. Он уже ни минуты не сомневался, что его жизнь отныне и навсегда будет связана с белокурой русской красавицей. Виконт де Кресси, занимавший солидную должность в министерстве иностранных дел, позабыв о том, что его ждут на заседании, как семнадцатилетний юноша, бросился вслед за той, что шла из кондитерской по бульвару с коробкой пирожных, окутанная сладкими запахами ванили, выпечки и кофе.

– Тема, будешь кофе? – из кухни московской квартиры спросила своего будущего супруга правнучка Мари де Кресси. – Если не будешь, то выпью я, а то мне уже пора бежать, я опаздываю на репетицию.

– Пей, я потом сам сварю, ведь искусство требует жертв! Вот я и принесу себя в жертву. Так о чем вы со Скворцовым говорили, а? Давай подробности.

– Он сказал, – Ума появилась на пороге ванной, где Артем брился, – что когда у человека обострены чувства, любая мелочь – к примеру, часть тела, запах туалетной воды, может навести на мысль о совокуплении.

– О как! – он придирчиво осматривал свое отражение в зеркале. Он не любил, когда посторонние люди видели его небритым-неопрятным-ненадушенным, поэтому на работу он старался всегда приходить подтянутым и ухоженным.

Ума отхлебнула кофе и добавила:

– Да, еще Сашка сказал, что иногда случается так, что человек тебе неприятен в общении, вызывает массу негативных эмоций, злость, даже ненависть. Но вдруг может возникнуть искра…

– А этот философ не выдавал тебе своего коронного афоризма: «Сначала будет стыдно, а потом – поздно»? – Артем похлопывал себя по щекам, втирая лосьон после бритья.

– Нет, мне он такого не говорил. А, правда, звучит. Это про что он?

– Вот расспросишь его при случае о подробностях, он с удовольствием поразглагольствует с тобой на эту тему.

– Ты уже не ревнуешь? – Ума надула губки. – Даже обидно.

– Ты вроде опаздывала, нет? Тебе пора в оркестр, на репетицию, – Артем пропел известную строчку из песни. Он опять стоял у зеркала, теперь раздумывая, какой галстук выбрать. – А мне еще варить кофе.

Он завязал темно-розовый галстук, гармонирующий с его новой рубашкой. Нет, что-то не то. Может быть, все-таки голубую надеть?

С каких это пор он, как какая-то профурсетка, нафуфыривается, собираясь на работу?

Артем услышал, как за Умой закрылась дверь. Он пошел на кухню, чтобы спокойно выпить кофе.

Он собирался сварить кофе и снова подумал о ней. О Елизавете Никитиной. Может быть, отложить завтрак до офиса? Там есть кухня, есть кофе, есть Лиза. Почему он постоянно возвращается мыслями к ней? Через месяц они с Умкой поженятся, ведь они уже несколько лет вместе. С тех самых пор, как вместе поступали в театральное училище. Он тогда провалился на первом же экзамене, а Ума стала учиться на актрису. Артем повертел в руках турку, прикидывая, сколько времени у него осталось до выхода на работу. Да, все-таки кофе он будет пить на работе. Идя в гараж за своей новой Вольво, он вспомнил, как пару дней назад, уже поздно вечером, столкнулся с генеральным директором и владелицей компании Елизаветой Никитиной в офисной кухне.

Артем Береснев работал в ее компании уже несколько месяцев, и по роду своей деятельности очень часто общался с Елизаветой. Даже их кабинеты находились рядом. Артем был обаятельным и общительным: всегда много шутил, рассказывал по-настоящему смешные анекдоты и сыпал цитатами из старых любимых всеми кинофильмов, тем самым превращая даже гадкие ситуации во вполне переживаемые.

– Вы здесь? – Артем изумился, увидев Елизавету в небольшой комнатке без окон, где сотрудники не только варили кофе, но и просто болтали или сплетничали, снимая напряжение от суматохи и рабочего стресса. – Так поздно, а Вы еще работаете! И не только работаете, но и, как я вижу, варите кофе. Могу предположить, что домой Вы сегодня не торопитесь.

Сказав последние слова, Артем осекся. Как он, проработав в компании всего без году неделю, дерзнул поинтересоваться планами начальницы на нерабочее время. Что она подумает? Ведь она запросто может выкинуть его с работы. Похоже, он перегнул палку. Но Елизавета, вопреки его опасениям, не увидела в таком вопросе ничего предосудительного.

– Да, мне действительно надо еще поработать. Ничего не успеваю, – сконфуженно улыбнувшись, сказала она. – Вот, решила выпить кофейку.

Она смотрела, как чудо кофе-машина по капле выдавливала из себя бодрящий напиток.

– Хотите чашечку? – будто спохватившись, спросила она. Когда она обернулась, Артем вдохнул аромат ее духов, струящийся от ее волос. Этот запах мог заставить его сделать практически что угодно, поэтому он, не задумываясь, согласился.

Елизавета протянула ему наполнившуюся чашку.

– Вы же себе варили, Лиза! – запротестовал Артем. – Я подожду, пока сварится другая порция.

– Зачем же ждать, когда она уже есть? – просто спросила она. – А я с удовольствием постою еще здесь минутку-другую. Так не хочется возвращаться в свой кабинет.

– А может быть, и не стоит возвращаться? – он взял из ее рук протянутую чашку.

Она невесело улыбнулась.

– Артем, вот Вы уговариваете меня уйти домой, не закончив работу, а сами почему здесь засиделись? – посмотрев ему в глаза, спросила она.

Он снял очки, потер уставшие за день глаза и взглянул на нее. «Без очков он выглядит таким беззащитным и милым», – отметила про себя Елизавета.

– Я-то уже ухожу, – сказал он. – Вот, увидел у Вас свет и решил заглянуть.

Он снова надел очки. Елизавета посмотрела на него, ставшего привычным, снова отгородившимся от всех стеклами очков, и почувствовала что-то вроде разочарования.

– Но, если Вы угощаете меня кофе, то я с удовольствием выпью с Вами чашечку, – он направился к столу, стоявшему за Елизаветой.

Чтобы проделать этот недалекий путь ему пришлось пройти в какой-то паре сантиметров от нее, всей грудью вдыхая ее запах, смешавшийся с ароматом духов и свежесваренного кофе. Он отметил, как вместе с волной притягательных запахов, его захлестнуло волной желания. Как бы он хотел сейчас дотронуться до этой недоступной, но стоящей так близко женщины! Он представил, что их губы встретились, а его руки обнимают ее, сминая тонкий кашемировый пиджак делового костюма.

Но вместо этого он расположился за столиком, и продолжал наблюдать за ней, стоящей у кофе-машины и сосредоточенно наблюдавшей за процессом приготовления кофе.

– Лиза, а если я предложу Вам сейчас бросить все и поехать домой?

Она выпрямилась и, не совсем понимая, о чем он, посмотрела на него:

– Домой?

– Ну да, домой. Вы оставите свою машину в офисном гараже, а я Вас подвезу домой. Провожу до подъезда, ведь сейчас уже поздно, криминальная обстановка в столице не улучшается, а? Что скажете?

Она взяла свою чашку кофе и уселась за стол.

– Знаете, Артем, я даже и не вспомню, когда меня в последний раз провожали домой.

– Неужто только в школе? Я ни за что не поверю!

– В институте, конечно, – улыбнулась она, и вдруг мгновенно посерьезнела. – Но меня никогда не провожал тот, кто я хотела бы, чтобы проводил.

– Это как в песне: «разнообразные не те»? – подхватил Береснев.

– Это как в жизни: когда нас любят – мы не любим, когда не любят – любим мы, – она вздохнула и допила свой кофе.

– А я? Лиза, а я? Вы хотите, чтобы Вас проводил я?

Она окинула его пристальным взглядом, словно оценивая перспективу этого вечера.

– Нет, не хочу, – сказал какой-то чужой, совсем не Лизин голос. – Все-таки еще поработаю.

– Уверена? – чуть было не вырвалось у Артема, но вместо этого он сказал:

– Нескучного вечера. До завтра!

– Артем, а что Вы хотели обсудить? – смягчилась она, снова ощутив, что попадает в сети его открытой улыбки. Чтобы не смотреть в его глаза и не выдать своих чувств, она стала рассматривать мелкие квадратики его рубашки.

– Это подождет до завтра, – улыбнулся Береснев. – Не стану Вас задерживать по пустякам.

– Хорошо, давайте завтра прямо с утра все и обсудим, – согласно кивнула она. – Всего доброго.

– До свидания, – сказал Артем и зашел в свой кабинет.

Он принимал решение: быть или не быть. Сам себе он всегда казался очень смелым мужчиной, человеком с холодным рассудком. Не то, чтобы бесчувственной тварью, но не допускающим в свою жизнь тормозящих движение вперед сантиментов человеком. В данном случае речь шла о движении вверх по карьерной лестнице. Но в Елизавете было что-то подкупающее, заставляющее его каждую минуту думать не о сексе вообще, как о том кричат женские гламурные журналы, а о том, чтобы оказаться близким именно с ней, с этой невероятной женщиной. Почти каждый день, особенно когда она была рядом, он мечтал о том, как она окажется в его объятиях. Сама идея служебного романа была и сладкой, и отталкивающей одновременно. Но он не любил усложнять. Он всегда говорил: «Все очень просто: иди вперед, не надо сложностей». Он не хотел терять работу, но его хорошенькая барышня-директор вызывала в нем чувства, как говорится, несовместимые с рабочими отношениями.

Глава 2. Время не ждет

Кто урод, кто красавец – не ведает страсть,
В ад согласен безумец влюбленный попасть.
Безразлично влюбленным, во что одеваться,
Что на землю стелить, что под голову класть.

Омар Хайям «Рубаи»

– Понимаешь, меня разрывает на мелкие кусочки. Я чувствую, что во мне живет какое-то множество человечков.

– Маленьких и страшненьких?

– Отнюдь. Нормальные, вполне сформировавшиеся определившиеся личности.

Елизавета Никитина, генеральный директор компании «Мир красоты», рассматривала одежду, теснящуюся в ее гардеробе, в поисках платья, в котором она собиралась отправиться на прием в торгово-промышленную палату, на который были приглашены видные предприниматели города. Прием должен будет состояться через месяц, то есть времени обрести наряд, соответствующий случаю, у нее было в обрез. Консультантом по созданию нового имиджа выступала Василиса Гордий, Лизина институтская подруга. Василиса была известным модельером, у них с мужем была своя студия.

– Ну так и что про твое раздвоение личности? – Василиса придвинула к себе тяжеленную пепельницу из муранского стекла и щелкнула зажигалкой.

– Это не раздвоение личности, это просто какая-то внутренняя борьба субличностей, которые не могут найти согласие друг с другом. У меня возникает такое ощущение, будто я живу в коммунальной квартире, где соседи постоянно ругаются и выясняют отношения.

– А почему же твои субличности, как ты их называешь, не могут договориться и жить в мире и согласии? Они же все твои.

– Потому что они завидуют, тихо ненавидят друг друга, даже порой презирают.

– Как все запущено, – присвистнула Василиса. – Как же так? Есть причины?

– А то! – Елизавета доставала вешалки с платьями, блузками, прикладывала к себе и снова вешала в гардероб. – Нет, мне ничего не нравится. Мне кажется, что я выгляжу ужасно толстой.

Она устало опустилась на диван напротив подруги.

– Вот сейчас я чувствую, что мне уже почти сорок. Усталую женщину во мне, разочарованную своей жизнью, безумно раздражает веселье, жизнерадостность двадцатилетней

студентки. Эта женщина часто сидит у окна, смотрит, как на улице снуют люди, и сетует, что ее жизнь не удалась, не удалось добиться никаких очевидных побед: ни семьи, ни карьеры, ни дома построить не удалось. Ей всегда казалось, что у нее все еще впереди, что у нее на все еще хватит времени, а все шло своим чередом, мелькали дни за днями, и вот она уже разменяла четвертый десяток, а многие желания до сих пор так и не сбылись. Она злится на себя, что в молодости не была последовательной и постоянной, что перескакивала с одной работы на другую, нигде подолгу не задерживаясь. Ее утомляло однообразие ежедневных обязанностей, монотонность работы. Трудно было мотивировать себя изо дня в день выполнять одно и то же, вкладывая силы и энергию, и не получая ничего взамен. Ничего: ни благодарностей руководства, ни материальных благ. Все воспринимали ее добросовестный труд как нечто само собой разумеющееся. Разве можно работать иначе? Поэтому и искала лучшей доли, надеясь, что где-то за ее работу ей скажут «спасибо».

– Немудрено, что она разочаровалась. Нет такого места, где все идеально. Знаешь, мне кажется, я тебя понимаю, Лизка, – Василиса затянулась тонкой сигаретой, – я тоже хочу избавиться от каких-то дурацких обид, ощущения, что тебя не так понимают, тогда спокойствие и равновесие приходят в твою жизнь, когда ты не ждешь чего-то от кого-то, а рад тому, что имеешь. И вот тогда, когда ты перестал биться головой об стену, стремясь получить вожделенную конфетку, тебе ее и приносят на блюдечке. Но этого надо дождаться.

– Звучит как психотерапевтическая рекомендация. Ненавижу догонять и ждать. Нет, терпеливо ждать все-таки труднее, – криво усмехнулась Лиза. – Конечно, моя вечно юная студентка не устает верить и надеяться, несмотря на то, что все идет не совсем так, как она себе представляла, но она не унывает. Пусть этот яркий цветок на дороге окажется не моим, но следующий уж точно будет красоваться в моей вазе.

– Бог мой, просто потрясающе! Это уже точно Фрейд какой-то: «цветок в вазе». Как эротично! – всплеснула руками Василиса. – Лиз, ну, ты выбрала что-нибудь?

Она кивнула на одежду, разложенную на диване.

– Как тебе вот это бирюзовое с драпировкой? Что скажешь?

– Это старье? Лиз, тебе это правда нравится? Это уже тянет на некрофилию.

– Разница только в том, что собираюсь надеть это платье, а не заниматься с ним сексом, – рассмеялась Лиза.

– В этом платье ты – настоящий синий чулок, существо без пола. Это абсолютно неприемлемо для важного приема. Там будет уйма мужиков, а ты собираешься быть таким бесполым существом?

– Но мне нравится это строгое платье. Ты же знаешь, что я не люблю излишества.

– Если бы ты не была моей подругой, я бы сказала, что ты – бесчувственный сухарь. Тебе нужно что-нибудь в стиле костюма от Шанель.

– То есть?

– Что-нибудь изысканное и уточненное. Простой крой, пиджак и юбка – прямая и до середины колена. Думаю, тебе пойдет грязно-розовый цвет. Я сошью такой пиджак без лацканов с минимальной отделкой.

– Отлично. У меня есть туфельки-лодочки как раз для такого случая.

– И сумочка-клатч. Сейчас очень актуально.

– Согласна, – Елизавета была довольна. – Мне нравится. Все-таки во мне доминирует бизнес-вумен, жаждущая всех контролировать, не терпящая невыполнения обязательств, опозданий, не прощающая кокетства и легкомысленности красотке, которая простаивает перед зеркалом, примеряя наряды. Вообще-то, моя деловая женщина одета в темный костюм и светлую блузку, а не в гламурно грязно-розовое, как ты предлагаешь. Она сама хозяйка положения, и всегда может добиться того, чего пожелает. Пара пустяков! Как говорится, вижу цель – не замечаю препятствий! А кокетка в то же самое мгновение мечтает об объя-

тиях и поцелуях, всяких вкусных пирожных, мороженых, и, само собой разумеется, о Нем. Мечтает, как он примчится к ней, весь такой прекрасный, великодушный, чуткий, внимательный, добрый и рассудительный. И, безусловно, будет он божественно красивым и невероятно сексуальным.

– Дура ты, Лизка. Тридцать лет – ума нет. Принц должен быть богатым и красивым.

– А на фиг мне такой сдался? Будет выпендриваться и качать права. Машина у меня есть, и не одна, и я с удовольствием вожу ее сама. Васька, главное в мужчине – это богатый внутренний мир. А то будет лежать бревном на диване и пялиться в телевизор.

– И растить свое пузо, – поддакнула Василиса. – Нет, лучше, чтобы он, как настоящий метросексуал, следил за собой: регулярно ходил в тренажерку, делал маски для лица и шеи, пилинги, маникюр, ну, в общем, все, чтобы нравиться самому себе.

– Хм, – усмехнулась Лиза, – а сексом-то метросексуал будет заниматься в метро?

– Нет, не будет, – уверенно отрезала Василиса, – ибо всем известная истина: арбуз растет, а кончик сохнет.

– Очень смешно, – скромно посмеялась Лиза. – Как же у него будет расти арбуз? Он же в тренажерке качается, у него не живот, а сплошные кубики. Все шесть, или сколько их должно быть? Восемь?

Василиса отмахнулась и затушила сигарету.

– Что ни говори, а с сексом нынче плохо дело обстоит. Когда поменяли местами мужчин и женщин, когда инициативу берет на себя женщина… – вздохнула Елизавета. – Она вынуждена это делать…

– Да, – согласилась ее подруга, – я тут говорила с одним, он говорит, что мужчинам совсем не нравится положение, когда женщина находится сверху.

– Вот как? Это что-то новенькое. Вроде, как подсказывает мой опыт сексуальной жизни, это позволяет ему расслабиться и ничего не делать.

– Совсем разленились, – покачала головой Вася. – А что твой этот, ну, на работе, который тебе нравится, как его зовут?

– Артем его зовут, – Лиза сразу посерьезнела.

– Да, Артем. У него-то как с этим делом?

– С сексом? – уточнила Никитина.

– Ну да.

– Никак.

– В смысле? У него не получается? – Василиса встревожилась.

– В смысле того, что мы с ним даже не целовались. Пока, – задумчиво проговорила Елизавета.

– Это только пока, никуда он не денется, поверь мне, – оптимистичная подруга подмигнула ей. – Они все сначала такие недоступные, а потом уж не остановить.

– Вась, тебе не кажется, что мы с тобой сейчас рассуждаем, как два мужика, – рассмеялась Никитина. – Жуть просто!

– Эх, Лизка, какая разница: баба или мужик. Помнишь? Природа – не храм, а мастерская, и человек в ней работник! Этому еще в школе нас учили. Так что, если хочешь быть счастливым – будь. И взять счастье своими руками – наша основная задача!

– Как взять его? Ну как? Подскажи, за какое место? – в отчаянии воскликнула Лиза.

– Да уже зажми его где-нибудь, – предложила Вася. – Потом будешь мне рассказывать, как все было: «Ну, так и вот, закидываю, значит, я ноги ему на плечи, а он мне и говорит…».

– Он тебе говорит: «Слушай, а где ты такой педикюр делаешь? Дорого стоит?» – закончила Лиза. – Эх, Васька. Не закину я ноги ему на плечи, и ничего он не скажет…

– Ну что же ты такая пессимистичная! С таким настроем слона не продашь. Почему ты не веришь в свои силы? Ты же прикольная! С тобой же так здорово, он не может этого не

видеть и не понимать! Пусть, раз он такой внимательный и чуткий, и проявит свои качества, которые ты от него ожидаешь.

– Разве я против? Пусть! Только чтобы как-то проявить себя, на это нужно желание, а так как кончик-то сохнет, о чем тут можно говорить.

– Зачем ты его прежде времени импотентом-то делаешь, подруга? Мысли-то материальны!!! Давай позитивно мыслить.

– Давай.

– Расскажи-ка про него, какой он? Твой Сашка, надеюсь, ничего не знает? Колись, давай, а то ты все молчишь, скрытничаешь. Не бойся, я его у тебя не уведу. У меня свой, Роман Анатольевич, любимый мой гуманоид бипедальный есть, – улыбнулась Василиса. – Рассказывай, умираю от любопытства.

– Он обыкновенный, – Лиза закрыла рукой глаза, будто стараясь припомнить, как выглядит Артем Береснев, новый финансовый директор ее компании.

Не такой уж новый, если быть честной. Почти полгода назад он перешагнул порог ее кабинета и представился, едва заметным движением, откинув назад челку:

– Меня зовет Артем Береснев.

Увидев его, Елизавета, смутившись, невольно опустила глаза на лежащее перед ней резюме. Береснев был моложе ее на четыре года, но выглядел солидно и значительно. Может быть, благодаря очкам? Тогда Елизавета задала себе этот вопрос, продолжая разглядывать молодого человека, желающего работать в ее компании финансовым директором. Он не был высок ростом, но складность фигуры, пожалуй, делала его стройным. «Личико смазливое, такое, как мне нравится», – вздохнула про себя Никитина.

– Очень приятно, Артем, присаживайтесь, – она жестом указала на два кресла, стоящие у журнального столика с мраморным орнаментом. – Я, как Вы догадались, Елизавета Никитина.

– У Вас уютно, – оглядел кабинет Береснев.

– Спасибо, – смутилась генеральный директор компании. Необычное начало собеседования при приеме на работу. Такой реплики можно было ожидать от женщины, но не от тридцатилетнего мужчины.

– Давайте поговорим о Вас, о Вашем образовании, опыте работы, о том, чем Вы можете быть полезны и интересны в этой организации, – официально, но доброжелательно начала Никитина.

Она смотрела в его глаза, темно-карие. Почему-то подумалось, что они похожи на ягоды черешни, которую Лиза очень любила: блестящие, огромные, темные. Ей показалось, что она подметила в них какую-то опаску и настороженность.

«Запуганный какой-то мальчуган, – отметила она про себя, – но очень располагающий к общению».

– Что о нем сказать? Он неплохо умеет общаться с людьми, – подводя итог мысленно пересмотренному видео того интервью, сказала Лиза подруге. – Выглядит спокойным и уверенным в себе.

– И это все, что ты можешь сказать о мужчине, с которым не прочь заняться сексом?

– А еще он бесконечно обаятельный, – добавила Лиза.

– Та-ак, – протянула Василиса. – Это уже кое-что. Откуда он? Где работал?

– Полный набор для романтической мелодрамы: мальчик из далекого сибирского поселка, не помню, конечно, как называется. Закончил там школу с золотой медалью, работал ди-джеем на местной радиостанции, даже хотел поступать в театральный.

– Это он тебе все на собеседовании выложил?

– Нет, конечно. Эти сведения до меня только спустя несколько месяцев добрались, когда я увидела, что все мои девчонки обмирают, глядя как он прохаживается по офису. Весь

такой вальяжный, улыбающийся, всегда с шутками и анекдотами – все мои красотки про работу разом позабывали. Тогда я вызвала к себе кадровичку, чтобы никто ничего не заподозрил, попросила принести личные дела всех руководителей отделов и засела за изучение одного единственного, которое интересовало меня в тот момент.

– Представляю себе, что это за фрукт. Ну, а тебя-то как угораздило на него запасть? У тебя вроде все складывается благополучно с твоим Александром Сергеевичем. Или решила поменять одного пятидесятилетнего на двоих по двадцать пять?

– Ну, Сашке всего тридцать пять, через пару месяцев будет тридцать шесть, для начала, – уточнила Лиза, – а потом… Знаешь, с Сашкой у меня никогда душа не пела. Несмотря на столько лет супружеской жизни…

– А с этим сибирским самородком заголосила да в пляс пошла?

– Ты не поверишь, но иногда мне кажется, что мы с ним знакомы целую вечность: мы смеемся одним и тем же шуткам, поем одни и те же песни.

– Так я и знала, значит, все-таки поете, – шутливо заключила Василиса.

– Я только хотела сказать, что у нас много общего.

– Это хорошо, я что против, что ли? Только, если у Вас столько всего общего, что же вы притормозили-то перед самым главным? Когда постель-то станет общей? А у него-то баба есть? – с сочувствием в голосе поинтересовалась Вася.

– Нет, никого у него нет, – ответила Елизавета. – Нет, то есть, я предполагаю, что в тридцать лет не занимаются онанизмом, это было бы уже слишком. Конечно, есть кто-нибудь для снятия стресса и других отрицательных эмоций, но душевной близости у него ни с кем нет. Это совершенно очевидно.

– И что ты здесь сидишь и болтаешь со мной? Пора что-то делать.

– Васька, ты шутишь? – захохотала Елизавета. – Это действительно смешно.

– Ни капли. Время-то не ждет, подруга.

Глава 3. О чем говорят мужчины…

Сбрось обузу корысти, тщеславия гнет,
Злом опутанный, вырвись их этих тенет.
Пей вино и расчесывай локоны милой:
День пройдет незаметно – и жизнь промелькнет.

Омар Хайям «Рубаи»

– Ну, так и вот, – Артем снял очки и потер глаза, – я на выходные, будучи в увеселительных заведениях…

– Оч-чень интересно, продолжай, – проговорил Славик Козлов, не отрываясь от компьютера.

Утро понедельника в офисе компании было всегда одинаковым: кто-то был свежим и отдохнувшим, а кому-то было о чем рассказать. Некоторые, провалявшись все выходные на диванах, лениво проверяли почту, заглядывали в ежедневники, другие потирали слипающиеся от недосыпа глаза.

Славик Козлов, примерный семьянин, отец двоих очаровательных деток, как всегда в понедельник был свеж и необычайно работоспособен. С самого раннего утра он, не отрываясь, бил по клавишам своего ноутбука, попеременно подключая разноцветные флэшки. Славик был заместителем финансового директора, и, когда предшественник Артема увольнялся, Козлов не без оснований рассчитывал получить повышение и занять его место. В компании он работал уже давно, про всех поставщиков и клиентов знал буквально все, вплоть до клички любимой собаки. Но руководством было принято иное решение. Елизавета Никитина, всегда принимающая кадровые решения единолично, посчитала необходимым внести в работу дирекции больше креатива и новых идей, поэтому финансовым директором и стал Артем Береснев, молодой и амбициозный экономист, предложивший свою стратегию развития направлений продаж и закупок в компании.

– Поскольку я не пил, ибо был на машине, мне в какой-то момент стало очень грустно, – сообщил Артем.

– Кто ж по клубам на своей тачке ездит, пижон ты эдакий? – усмехнулся Козлов. Хотя с Артемом они быстро нашли общий язык, Славка недолюбливал нового начальника, считая его излишне мажорным. Он не хотел признавать наличие у Артема быстрого ума и способ-

ности находить нестандартные решения. Тема каким-то шестым чувством предвидел развитие экономической ситуации и всегда предлагал такие меры, которые позволяли их компании быть на голову впереди конкурентов. Хотя разница в возрасте между ним и Козловым была не существенной, всего каких-то пять лет в пользу Славика, честолюбивый зам считал себя мудрее и опытнее, полагая, что он, Вячеслав Козлов, справился бы с руководством финансовой деятельностью компании ничуть не хуже, а наверняка и продуктивнее, нежели выскочка Береснев.

– Грустно мне стало, – пропустив мимо ушей последнее замечание Козлова, продолжал Артем, – и я сел в машину и поехал домой. Проезжая мимо круглосуточного супермаркета я не удержался, зашел и купил бутылку шампанского. Приехал домой, открыл и употребил в одно лицо. Мы с Умкой поругались, она сказала, что собирается провести выходные с мамой. А я решил воспользоваться моментом и пуститься во все тяжкие.

Славик молчал, ожидая продолжения истории.

– И, надо тебе признаться, мне было хорошо, – выдохнул Артем.

– Ты меня пугаешь, – Козлов сделал большие глаза.

– Славка, ты всегда такой правильный, аж тошнит. Как с тобой жена-то живет? – отмахнулся Береснев. – Неужели ты никогда в одиночку не выпивал бутылку шампанского? Под настроение!

– Не-а, – покачал головой Козлов. – Интересно, а у тебя откуда такая страсть к газированным напиткам? По мне так лучше водяры хлопнуть, желудок после этого не болит, по крайней мере. Или это из-за Умки?

– Знаешь, я, наверное, шампанское жалую под настроение, – размышлял вслух Артем. – Вот, помню, приехал я из Африки, и так мне захотелось шампанского, советского, полусладкого, что я купил его в первом попавшемся магазине, и уже в лифте открыл бутылку и из горла стал пить, прикинь?

– Да ты батенька, сам алкоголик, а меня лечить собираешься, – пошутил Славка.

– Мне кажется, это ты меня сейчас лечить взялся. Славка, отвали, и так кошки на душе скребут.

– Может, тебе это… опохмелиться? – сочувственно предложил Козлов.

– Нет, не буду, ибо, – как всегда, чтобы придать значимости своей реплике, протянул Артем, – ибо спортсмены не курят и не употребляют алкоголь. По крайней мере, днем.

– Уважаю, – Козлов дружески похлопал его по плечу.

– Да чего уж там, – слегка покраснев, проговорил Береснев.

– Темка, ты, правда, молодец, – совершенно искренне сказал Славик, отъезжая на кресле от своего рабочего стола. – Молодец, что выкраиваешь время на спорт, на обед не жрешь всякую гадость общепитовскую.

– Да что ты, – отмахнулся Артем. – Как-то на днях Умки не было, у нее спектакль был, она за полночь домой приходит после спектакля, а мне готовить не хотелось. По пути с работы я заехал в супермаркет, купил какую-то жирнющую рыбу горячего копчения, мягкий французский батон и… – он состроил смущенно-извиняющуюся рожицу, – и взял пару бутылок пива. Такой удар по печени сам себе устроил.

– Сломался, да?

– Угу, – вынужденно признался Артем. – Зато на следующий день отрабатывал честным трудом в тренажерке.

Дядя тренер просто озверел, решил, видно, вытрясти из меня все вчерашние холестерины и калории. Я затянулся каким-то специальным поясом, который он мне присоветовал, и выглядел как пчелка.

Он смешно помахал кистями рук, будто это были лапки трудолюбивого полосатого насекомого. Я ему говорю, мол, мне дышать больно, а он мне:

– Тема, не хнычь, упирайся животом в пояс, так штанга легче покажется.

– Береснев, ну ты зверь, – Славка поднял свою кружку с чаем, – за тебя! И за спорт!

Артем кивнул.

– А с Умкой поругались из-за чего? Что-то серьезное? – сделав глоток, спросил Козлов.

– Не знаю сам. Вроде и не ругались мы, – Береснев уткнулся в компьютер. – Ладно, давай работать.

Он действительно не знал, что происходит. Ума, такая близкая и любимая становилась с каждым днем все дальше и дальше. Они ссорились по пустякам, вечерами много молчали. Хотя он продолжал заботиться о ней, они не чувствовали себя семьей. Ему было больно видеть ее, когда она возвращалась с букетами, чуть навеселе. Неужели это ревность? Или он ей завидовал?

Артему часто снился театр. В своих снах он регулярно участвовал в спектаклях вместе с известными актерами, срывал овации, раздавал автографы. Каждый вечер у его гримерки дежурили десятки поклонниц, осыпавших его цветами, признававшихся ему в огромной любви и втайне мечтающих к нему хотя бы прикоснуться или получить его автограф.

Тема мечтал о карьере актера с детства. Как и все играл в школьном театре, а так как способностями к лицедейству обделен не был, то руководитель их труппы предлагал ему главные роли в спектаклях хрестоматийного репертуара. Артем получал удовольствие, пересказывая со сцены монологи вольнодумца Чацкого, прохиндея Хлестакова. Он видел восторженные глаза зрителей и черпал энергию в этом безусловном принятии его таланта. Еще в девятом классе он задумался о поступлении в театральный. Конечно, он осознавал, что необходимо ставить перед собой только реальные цели, что шансов поступить в театральный вуз у мальчишки из далекого сибирского поселка было немного. Но он сделал все, что в его силах, чтобы сделать желаемую цель достижимой. Он отыскал тех, кто смог помочь ему подготовиться к поступлению, и упорно стал заниматься декламацией, танцами и вокалом с частными преподавателями. Свои актерские способности он также практиковал, работая ди-джеем на радио. Как же это было приятно – из эфирной студии объявлять на весь город погоду, отвечать на телефонные звонки в прямом эфире, поздравлять знакомых и незнакомых людей с праздниками, ставить песни по их заявкам! Когда он шел по улицам, люди часто узнавали его, кивали, здоровались, понимая, кто идет им на встречу. Артем купался в лучах славы, и ему хотелось продолжать быть знаменитым и вдобавок стать еще и богатым. Поэтому он и приехал в Москву и сдавал вступительные экзамены в прославленную «Щуку», театральное училище имени Щукина. Не пройдя по конкурсу в театралку, он не отчаялся, и сразу без труда поступил на экономический. Хотя в глубине души, а может быть и не так глубоко, он некоторое время все же продолжал жалеть, что его судьба сложилась именно так. Окончив институт, он стал экономистом, а Ума Сабакина, талантливая выпускница «Щуки», теперь играла в молодежном театре и антрепризах. «Конечно, – рассуждал Артем, – работа в области экономики и финансов была куда более реальным способом обеспечивать свое существование, нежели борьба за место под солнцем в богемной театральной тусовке». Так он себя убеждал, довольно резво поднимаясь вверх по карьерной лестнице. Ему посчастливилось попасть на стажировку в Министерство иностранных дел, где, благодаря своей коммуникабельности, светлой голове, безусловной исполнительности, работоспособности и личному обаянию, он стал вхож в кабинеты самых ответственных руководителей. Поэтому ни для кого не стало сюрпризом, когда сразу после окончания института ему предложили уехать работать в миссию ООН в Африке.

Сюрпризом это оказалось только для Умы, которая была уверена, что после окончания института Артем сделает ей предложение. Познакомившись на вступительных в «Щуку», Ума и Тема стали встречаться, а потом решили вместе снимать квартиру. Сомнений в том, что они сложившаяся пара уже ни у кого из их друзей не было. Поэтому, когда Артем, вооду-

шевленный открывающимися перед ним перспективами, сообщил Уме, что подписал контракт на работу в Африке сроком на один год, молодая актриса оказалась перед выбором: ждать или не ждать.

В смятении она достала с антресолей в квартире родителей дневники своей прабабушки. С детских лет она с упоением читала записки о жизни Мари де Кресси, драматическую историю ее любви, которая перевернула жизнь молодой русской эмигрантки. Став старше, Ума искала в этих записках житейскую мудрость, успокоение и поддержку.

Едва приехав в Париж, – писала юная Мари, – она была тотчас очарована этим городом. С детства жившая в окружении книг, девушка зачитывалась романами Бальзака, Дюма, Мюссе, и поэтому очутившись в городе, где творили гении, она с наслаждением вдыхала воздух, напоенный, как ей казалось, ароматом любви. Романтическая натура влекла девушку на Монмартр, где она просиживала часами, наблюдая за работой художников. Она скоро подружилась с некоторыми из них, находившими ее очень красивой и с удовольствием писавшими ее портреты. Именно здесь, у подножия белоснежной базилики Сакре-Кер, потомок виконта де Кресси впервые осмелился заговорить с той, которая отняла его душевный покой. Благоразумный француз от любви потерял голову и следил за понравившейся ему красоткой от самой кондитерской на Больших бульварах. Он сказал пару ничего не значащих фраз о погоде и осведомился, когда он сможет познакомиться с матушкой молодой девушки. Мари пообещала новому поклоннику встречу со своей маман в самое ближайшее время. И не заставила молодого человека долго ждать.

Уже на следующей неделе она пришла в условленное место, чтобы ее мама и виконт могли познакомиться. Луи произвел на матушку Мари, мадам Лупервилль, впечатление вежливого и учтивого дворянина. Поэтому она ответила благосклонным согласием, когда Луи де Кресси попросил позволения прийти в один из четвергов, когда в семье Лупервиллей устраивали чаепитие. Мадам Лупервилль сразу заметила, что двадцативосьмилетний дворянин не спускает глаз с ее дочери, поэтому через знакомых навела справки о его состоянии, которое к тому моменту было весьма впечатляющим. На семейном совете было решено, что, если виконт попросит руки Мари, то родители ответят согласием. Луи сделал то, чего от него ожидали, и девушка ответила согласием. Помолвку отмечали шумно и весело. У Луи оказалось много родственников по всей Франции, которые с воодушевлением восприняли весть о том, что их любимец наконец-то нашел свою избранницу, остепенился и готов стать главой семейства. Праздник удался на славу. Мари тоже была счастлива: «Когда он рядом со мной, вся моя жизнь наполняется иным смыслом, я вижу, как прекрасно все, что меня окружает. Особенно, когда со мной мой Луи». Трудно представить девушку, которую не порадовало бы предложение руки и сердца, а тем более, когда это предложение делает блестящий молодой дворянин. Свадьбу назначили на сентябрь, и все занялись подготовкой к торжеству, но все планы разрушила начавшаяся в августе первая мировая война…

Глава 4. Когда просыпается страсть…

Словно солнце, горит, не сгорая, любовь.
Словно птица небесного рая – любовь.
Но еще не любовь – соловьиные стоны.
Не стонать, от любви умирая, – любовь!

Омар Хайям «Рубаи»

Артем сидел на пассажирском сидении Аексуса, который вел Сашка Скворцов, его лучший друг. Было уже два часа ночи, а они колесили по ночной Москве. Сашка ни о чем не спрашивал, хотя буквально лопался от любопытства. Человек, который был руководителем пресс-службы многочисленной политической партии, привык задавать прямые вопросы и отвечать на самые заковыристые. Но сейчас он просто ехал по московским улицам, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не обидеть друга. Все было очень просто. Мужская дружба. Когда в половине первого ночи он увидел на дисплее мобильного номер Береснева, он понял, что Артему хреново, и ему срочно надо помогать. Он тихонько собрался и вышел из квартиры. Слава Богу, жена и сынишка уже крепко спали.

Они с Артемом знали друг друга с детства, потому что жили в соседних подъездах и учились в одной школе. Товарищи по детским играм, Артем и Александр сумели сохранить свою дружбу на долгие годы. Не было ситуации, в которой каждый из них не помог бы другому. Именно поэтому Саня примчался с другого конца города и встретил Артема на пустынной улице недалеко от его дома:

– Спасибо, что приехал, – Артем пожал другу руку.

– Что за пожар? Что-нибудь расскажешь? – аккуратно спросил Скворцов.

– Расскажу, но не сейчас, – Артем плюхнулся на сиденье рядом с другом. – Давай покатаемся? Саш, прости, я повел себя как последняя скотина, даже не спросил, как ты. Ты, наверное, очень устал?

– Неважно, дружба – понятие круглосуточное. Ты тоже устал, вот вместе и отдохнем, – улыбнулся Александр. За тонированным окном Лексуса мелькали улицы, дома, деревья, но это видел только Сашка. Артем сосредоточенно смотрел в какую-то точку перед собой.

– Музыку выключить? – спросил Скворцов, приглушая магнитолу.

Береснев молча покачал головой.

– Темыч, смотри, сейчас будет Красная площадь, – попытался вывести друга из ступора Сашка. – Я знаю тут такую хитрую дорожку…

Он круто повернул, и они въехали на главную площадь страны. Это было впечатляющее зрелище: великолепная подсветка зубчатой стены, сияние кремлевских звезд в ночном небе, изысканный узор куполов собора Василия Блаженного и шуршание шин по брусчатке – это были те эмоции, которые помогли Артему сбросить охватившее его оцепенение.

– Сашка, спасибо тебе, – это были первые слова, которые Артем произнес спустя полчаса после их встречи. Он посмотрел на профиль друга, сосредоточенного на дороге.

Выехав на набережную, Скворцов резко притормозил, выключил радио и повернулся к Артему.

– И? Давай, выкладывай!

– Сам не могу разобраться в том, что происходит, – проговорил Артем.

– Это из-за Умы Турман? – предположил Сашка.

– И да, и нет. Это черт знает что. Мы знакомы с Умкой уже тысячу лет! И из них пятьсот лет живем вместе. И я обещал ей, понимаешь, обещал! – Артем махнул рукой.

– Понимаю, это же все не просто так. Обещал, и как честный человек должен жениться, – сказал Сашка.

– Вот и я про то же. Ты же знаешь, что она терпеливо ждала все эти годы, ждала, пока мы закончим учиться. А как она ждала меня из Африки, и я не могу, понимаешь, не могу не оправдать ее ожиданий. Она так хочет выйти за меня замуж! Для нее это жизненно необходимо и очень важно: муж, семья, ребенок…

– Это для всех женщин важно, – деловито заметил Сашка. – Но тут дело не в ней, да? Весь сыр-бор-то из-за чего? Мне, если я все правильно я понимаю, кажется, что дело в тебе. Ты как-то невесело обо всем этом говоришь. Ваша свадьба уже меньше, чем через месяц. Неужели ты… Береснев, только не говори, что ты хочешь сбежать? Ты передумал?

Скворцов осекся, сам испугавшись своей догадки.

– Я женюсь на Уме из-за другой женщины, в которую я влюбился с первого взгляда, но мы с ней не можем быть вместе. Поэтому я не вижу другого выхода. Мне кажется, спрятаться за Умку, раствориться в браке сейчас для меня будет единственным правильным выбором.

– Тем, знаешь, кто ты после этого? Я могу тебе это сказать, но пока промолчу. В любой ситуации нужно здраво рассуждать. Та-ак, значит, другая. Появилась – хорошо. И кто она?

– Сейчас не имеет смысла об этом говорить. Кем бы она ни была, я не смогу предать Уму. Мы поженимся, и все проблемы сами собой разрешатся.

– Как бы не так!.. Хотя не факт, что другая будет лучше, – вслух размышлял Скворцов. – Твоя судьба в твоих руках, и ты сам этими руками себе на шею петлю накидываешь, Темыч. Погоди, не торопи события. Что в ней, в этой другой, такого, что тебя так колбасит?

– Не знаю. Будешь смеяться, но, наверное, загадка, изюминка. Мы прекрасно понимаем друг друга…

– Признаюсь тебе, что у меня так с каждой бывает. После двух часов общения она мне говорит, что ей кажется, будто она всю жизнь меня знает. Но, согласись, Тем, помимо чувств должно быть понимание. Вы с Умкой уже сколько вместе? Уже притерлись, притерпелись, прикипели друг к другу. А с этой новой, кто знает, как получится…

– Я понимаю, что, скорее всего, я даю ей эмоции, которых у нее не было раньше, свежесть чувств.

– Так это же здорово! – воскликнул Сашка. – Нет, Темыч, ты меня не слушай, такие дела лучше решай сам, неохота мне быть крайним.

– Да что там решать? В нашей жизни очень часто приходится чем-то жертвовать. Не для меня она.

– Прекрасно! – воскликнул Сашка. – А в чем проблема? Почему ты так уверен, что у тебя с ней не сложится?

– Она – директор компании, где я работаю.

– Опаньки! Приехали! – Сашка обеими руками обхватил руль и положил на них голову. – Да, эмансипация не дает спуску. Эх, Темка, такой поворот запросто приведет к красной ручке, которая обожжет твою руку и сердце.

– Ну, Сашка, красиво сказал. Вот и я про то же, – грустно рассмеялся Артем. – Но поделать ничего не могу. Кроме того, она на пять лет старше меня.

– Ну, это сомнительный минус, – оценил новость Скворцов, – пять лет – это совсем не много, скорее наоборот. А у вас с ней что-то было?

– Ты о чем? Я ж тебе сказал, что она – генеральный директор компании, в которой я работаю.

– И что? Эта должность лишила ее женских прелестей? – поинтересовался Сашка.

– Нет, это говорит о том, что у нее есть мозги, которыми она постоянно пользуется, и которые запрещают ей думать о чем-то другом, кроме работы.

– А вот здесь я бы поспорил. Если ты думаешь о ней, то и она, стопудово, думает, как было бы неплохо с тобой романтично отужинать при свечах со всеми вытекающими.

– И что ты предлагаешь? Пригласить ее на ужин?

– Именно, а потом отвезти куда-нибудь и продолжить. Кстати, она замужем?

– Нет, хотя я точно не знаю, неудобно расспрашивать, – неуверенно ответил Артем.

– Вообще-то мужья еще никогда никому не мешали получить удовольствие от общения с хорошенькой женщиной, – рассудительно сказал Скворцов. – Подумай, как это все обставить. И не тяни.

– Обещаю, – засмеялся Береснев.

– Зря смеешься, я дело говорю. Она даже не догадывается, как тебя плющит, спит сейчас преспокойненько дома, может быть, даже не одна, а ты тут со мной дурь из башки выбиваешь. Тебе надо с ней поговорить по душам, тогда и разберешься, надо ли тебе все это, успокоишься, и женишься на Умке. Или не на Умке… В общем, там выберешь на ком. Слышишь, Темыч? Ты только посмотри на себя. Тебе почти тридцать лет, а ты все один. Уже пора о семье думать, а не одними амурами жить.

– Какая у актрисы может быть семья, Саня? Репетиции, режиссеры, гастроли. Вот ты мне скажи, ты сам бы женился на актрисе, а?

– Спасибо, у меня была уже одна, – хмыкнул Скворцов.

Артем вспомнил, что в двадцать лет у Саши был серьезный роман с Полинкой, красавицей из подтанцовки известного поп-певца. У них тоже все складывалось на отлично, но случились гастроли, и вернулась барышня не к Скворцову.

– Саш, извини, что напомнил.

– Да брось, что ты, столько лет прошло, уже все перегорело. Я понял, что смысла жалеть нет, все уже прошло. То, что было – не вернешь, нельзя останавливаться и горевать. Надо идти вперед. И я рад бы, побежал бы к ней, но нет сейчас той, которая бы понимала состояние моей души.

– А как же твоя жена? – поинтересовался Артем.

– А что жена? У нее есть работа, есть сотрудники, есть мы с Никитой, ясное дело, у нее понимания на всех не хватает.

– Печальная история, – посочувствовал Артем. – Все-таки поздно, Сань, давай по домам.

– Ты рано встаешь? Во сколько начинаешь работать? – поинтересовался Скворцов.

– Вообще-то с десяти, но я всегда считал утренние часы наиболее плодотворными для работы, поэтому прихожу пораньше, часикам к восьми, задолго до того, как офис начинает оживать и наполняться сотрудниками.

– А я – вольный художник, сам себе хозяин. Как проснусь, так и отправляюсь в офис. Жена уходит рано, сына няня отводит на занятия в детской подготовительной школе, так что…

Артем покивал, но сейчас он уже почти не слышал Сашку. Он думал о том, что завтра придет в офис и увидит ее.

С утра он предпочитал работать в переговорной, где никому не приходило в голову его искать. В кабинете разрывался телефон, подпрыгивал мобильник, поставленный в режим виброзвонка, а в переговорной было светло, спокойно и гулко тихо.

Ему надо было проштудировать последние отчеты о продажах, потому что в десять он должен был предстать перед генеральным директором компании, едва взглянув на которую он немного робел. Ему очень хотелось видеть Елизавету, но он опасался, что кто-нибудь распознает в его взгляде, брошенном на начальницу, интерес к ней, как к женщине. Неужели Умка была права, и мужчины действительно каждую минуту думают о сексе? Он содрогался также при мысли, что и Елизавета сможет почувствовать его неровное, сбивчивое дыхание, когда он подходил к ее рабочему столу.

Как-то на днях по своему обыкновению он работал в переговорной. С утра он всегда составлял список дел на день, но сегодня мысли о работе почему-то не шли в голову. Он с нетерпением поглядывал на часы, прикидывая, сколько времени осталось до их встречи. Он хотел ее увидеть и гадал, в каком костюме она будет сегодня. Он представлял, как она улыбнется ему, когда он войдет в кабинет и скажет «С добрым утром!». Сам того не замечая, он продолжал прохаживаться по просторной переговорной, засунув руки в карманы брюк. Его заставил оглянуться звук открывающейся двери. Словно застигнутый врасплох ленивый школьник, отложивший учебники и тетради, он снова быстро сел и уткнулся в разложенные на столе бумаги.

– Артем, доброе утро! Не ожидала увидеть Вас здесь.

Он знал, в глубине души он чувствовал, что она придет сюда. Когда он услышал ее голос, его сердце забилось заметно чаще. Он сделал неимоверное усилие, чтобы не подпрыгнуть и не броситься к ней навстречу. Сохраняя спокойно-доброжелательное выражение лица, он приветствовал ее улыбкой.

– Я люблю с утра работать здесь, – признался он. – Иногда необходимо сосредоточиться, а в кабинете это невозможно: то звонки, то посетители, море бумаг на столе.

Елизавета улыбнулась и прошла за его спиной, присаживаясь на стоящий рядом с ним стул. Он вдохнул аромат ее духов, и едва удержался, чтобы не подойти к ней и не поцеловать ее.

Никитина посмотрела на лежащие перед ним страницы, испещренные столбцами цифр.

– Ну, что скажете, какой прогноз? Выйдем на сто процентов плана? – поинтересовалась она, заглянув в бумаги.

Когда разговор перешел в профессиональную плоскость, Береснев заметно успокоился и стал рассказывать Елизавете о работе коммерческого отдела.

– Если мы сможем убедить сети взять чуть больше их обычного заказа, то мы сделаем план, а если из-за погоды у них самих продажи падают, то они откажутся, а мы кое-как вытянем только девяносто-девяносто три процента.

Лиза покачала головой.

– Конечно, мы нарисовали не такие цифры в плане, – протянула она, прикидывая, на какие реальные объемы продаж они выйдут.

– Да уж, планы амбициозные, ничего не скажешь, – подхватил Береснев.

Он украдкой следил, как она листает бумаги, внимательно вглядываясь в бесчисленные цифры.

«Какая же она красивая!» – Береснев не мог отогнать от себя навязчивую мысль. Он рассматривал сидящую рядом женщину, любуясь ее тонко очерченным профилем. Ему нравилось в ней буквально все: короткая стрижка, длинные пальцы с неизменным французским маникюром, тихий голос и быстрые реплики с проглоченными окончаниями. Он понемногу научился догадываться о смысле произнесенного ею, внимательно вслушиваясь в начальные слова ее фраз.

– А мне кажется, все будет нормально, – произнесла Никитина, откладывая отчеты по продажам. – Вы зря недооцениваете свою службу. У Вас в отделе работают настоящие профи.

Она встала и снова прошла за его спиной. Он невольно откинул голову, чтобы посмотреть на нее. Она улыбалась, и эта улыбка была такой теплой и открытой, что ему показалось, что они давно очень близки, что между ними не существует отношений начальник-подчиненный, что они просто мужчина и женщина, которых безумно влечет друг к другу.

– Раз Вы все уже посмотрели, то я не буду заходить к Вам в десять, как мы договаривались? – спросил Артем. – Я тогда поеду на встречу в банк.

– В банк? – удивилась Елизавета.

– Да, мы с «продажниками» продумываем новую схему по закупкам, – хотел было объяснить Береснев, но Никитина жестом остановила его:

– Хорошо, тогда давайте вечером потолкуем. Заодно расскажете, о чем договорились с банком. Честно скажу, деньги нам сейчас не помешают. Удачи!

– Удачи! – он услышал совсем рядом со своим ухом. Сашка Скворцов остановил машину у подъезда дома Артема.

– Спасибо, – торопливо поблагодарил друга Береснев, – я почти отключился – сказывается усталость.

– Ну, это главное, что ты уже думаешь о сне. И поговори с этой своей леди, не трави себе душу. Еще раз удачи! – Скворцов дружески похлопал его по плечу.

– Поговорю! – пообещал Артем и вышел из машины.

Глава 5. Ночное рандеву

В этом мире любовь – украшенье людей,
Выть лишенным любви – это быть без друзей.
Тот, чье сердце к напитку любви не прильнуло,
Тот – осел, хоть не носит ослиных ушей!

Омар Хайям «Рубаи»

– Лизка, у тебя какой-то взгляд необычный, – муж Никитиной нажал кнопку электрического чайника. – Что-то случилось? На работе? Или с Никиткой что?

– Все в порядке, не волнуйся, – Лиза попыталась успокоить супруга.

– Ну и хорошо, значит, мне показалось.

– Я вспомнила, как мы с тобой, когда только поженились, постоянно передвигали мебель, чтобы как-то разнообразить жизнь.

– Не понимаю, почему ты об этом подумала. Лиза, что-то не так? Мне кажется, ты стала какой-то не такой, отстраненной…

– Это из-за работы. Кстати, ты тоже не ангел. По-моему, я тебе об этом никогда не говорила. Всегда старалась тебя поддерживать, хвалить…

– Я не знаю, что мне делать, – Александр задумчиво обхватил лицо руками. – Лиз, я тебя не понимаю. Если тебя напрягает твоя работа, не стоит на мне злость срывать. Если ты устала – поезжай, отдохни. Если нужна моя помощь – скажи прямо, я найду решение любой проблемы, ты же меня знаешь.

– Главное, чтобы не было войны, – сказала Лиза, выходя из кухни. – Прости, Саш, действительно устала, пойду, лягу.

Муж проводил Елизавету взглядом и промолчал. Никитина прошла в ванну, открыла кран и стала набирать воду. «Господи, что со мной происходит? Влюбилась? Разменяла четвертый десяток, а все как восемнадцатилетняя… Надо засунуть эту любовь себе куда-нибудь подальше и продолжать жить дальше».

Она наполнила ванну пеной и улеглась в теплую воду.

– Лиза, можно? – ее муж постучал в дверь.

– Я скоро, – откликнулась она. – Саш, принеси мне бокал вина.

Муж принес ей вино, но она к нему даже не притронулась. Ей хотелось вина, того самого, которое она пила тогда с Артемом. Но такого у них дома не было, с ней были только ее воспоминания.

Был вечер пятницы, и они вышли из здания, где располагался их офис. На улице было тепло и сыро, обычная погода для ранней осени.

– Лиза, давайте выпьем по бокальчику вина, – неожиданно предложил Артем. Он как всегда говорил быстро, на одном дыхании. Даже задавая вопрос, он не предполагал вопросительной интонации, считая ее согласие само собой разумеющимся.

Он претворял в жизнь составленный им план. Ему необходимо было больше узнать о ней, поговорить, потому что продолжать играть в кошки-мышки он уже не мог. Прав был Санька Скворцов, скрывать свои чувства было уже нельзя, стоило уже играть по-взрослому. Ведь он ничего толком о ней не знал, слышал, что она замужем, ее супруг – партийный функционер, что у нее есть ребенок, но не доверял тому, что о ней говорили в офисе. Никто не мог назвать ее возраста. Знали, что ее день рождения был в начале марта, но сколько ей лет, оставалось тайной для всех сотрудников компании. Артем хотел понять, правильно ли он поступает, откладывая свадьбу с Умой. Стоит ли давать волю своим чувствам? Может ли он на что-то надеяться в отношениях с Лизой?.. От вопросов, на которые не было ответов, раскалывалась голова.

Когда Елизавета услышала его предложение, в первое мгновение она даже не поняла, о чем он говорит. Довольно продолжительное время они присматривались к друг другу. Нет, сказать, что строили глазки было бы неправильно… Они интересовались работой друг друга, исподтишка рассматривали, внимательно выслушивали, даже рассказывали сны. Постепенно раскрываясь в общении, они становились с каждым днем все более понятнее и приятнее друг другу, а от того и привлекательнее. Лиза каким-то шестым чувством ощущала, что еще немного… и они упадут друг другу в объятия. Как это могло бы произойти, она себе не представляла, но была уверена, что рано или поздно это случится. «Лучше рано, чем…», – однажды она поймала себя на такой мысли и в ту же секунду одернула себя: «Господи, о чем же я думаю?! У меня есть муж, а я мечтаю о другом мужчине. Выходит, я изменяю. Какой ужас!». И, несмотря на все доводы рассудка, ей хотелось заняться с ним сексом. Она старательно подавляла в себе эти животные инстинкты, но организм отказывался слушаться, и бурно реагировал на близость молодого сексуально привлекательного мужчины. Она тысячи раз представляла, что будет, когда они останутся наедине, но ежедневное общение по рабочим вопросам никто не отменял, и эта необходимость постепенно вытеснила в ее сознании мысль о нем, как о возможном партнере. Она продолжала быть к нему внимательной, придирчиво оглядывать его всякий раз, когда он оказывался на пороге ее кабинета. Когда он подходил ближе, она вдыхала аромат его парфюма, и внутри у нее все сжималось от желания. «Что я сделаю, если он предложит?..» Ответа на этот вопрос у нее не было. Но, судя по всему, Артем не торопился делать ей непристойное предложение. И Лизиному терпению, как и всякому терпению, пришел конец. Она элементарно устала ждать, и ей стало наплевать, сделает ли он что-нибудь или нет. Поэтому такое долгожданное предложение прозвучало для нее будто гром среди ясного неба. Она почти оставила надежду услышать от него что-либо подобное, и совсем не смогла отреагировать какой-то заготовленной фразой. Стараясь не выдать охватившего ее волнения, Лиза постаралась ответить самым будничным тоном, скорее просто пробормотала, утвердительно кивая:

– Отличная мысль, пойдемте.

В нескольких метрах от подъезда, откуда они вышли, располагалось заведение с загадочной и манящей вывеской «Винный бар», куда они и отправились.

Спустя несколько секунд Елизавета не могла справиться с волнением, да и Артем, похоже, тоже не ожидал от себя подобного смелого шага, поэтому дорога в десяток шагов показалась для них длиной с марафонскую дистанцию.

Они потянули за ручку стеклянной двери питейного заведения, спустились по немногочисленным ступенькам и оказались в полумраке прокуренного помещения, прибежища

уставших офисных клерков, заглянувших сюда, чтобы покончить со стрессом рабочей недели.

Лиза и Артем уселись на высокие барные стулья полутемного крошечного винного бара.

– Оригинальная атмосфера, – заметила Лиза, оглядываясь вокруг. Было не понятно, хотелось ли ей подбодрить Артема, похвалив его выбор, или она просто стремилась скрыть свое смущение. Все же его приглашение побыть вместе после работы застигло ее врасплох. Она не ожидала, что он сделает это вот так, просто, без оглядки на должностную иерархию, без предупреждений, уговоров, оглядки на ее планы.

– Ничего так, – подтвердил Артем, также оценивая обстановку и обдумывая свои дальнейшие действия. Было понятно, что он впервые оказался в этом заведении и не знал здешних порядков, и это заставило его выискивать алгоритм поведения в этом баре, рассматривая уже рассевшихся посетителей и снующих между ними официантов.

Народу в баре было немного: в дальнем углу, почему-то ярко освещенном вопреки элементарным законам логики, за отдельным столиком сидела пара. Может быть, и влюбленная, но пространство стола не давало им сблизиться, поэтому для всех окружающих они выглядели просто мужчиной и женщиной, пытающимися что-то сказать друг другу, преодолевая негромкую музыку и расстояние. Наверное, что-то важное или нежное, об этом приходилось только догадываться, глядя как они тянутся к друг другу через стол. Лиза с удовольствием отметила, что они с Бересневым заняли место более выгодное для непринужденной беседы. Они сидели рядом, почти касаясь друг друга рукавами пиджаков. Они оба по негласной договоренности старательно охраняли эту едва заметную границу интимного пространства друг друга, избегая возможных прикосновений. Пожалуй, единственным касанием материальных тел в тот вечер был звон бокалов, поднятых ими в самом начале посиделок в ознаменование окончания трудовой недели.

Вино выбирал Артем, поскольку, хотя Елизавета и считала, что разбирается в винах, в этот раз ей не хотелось выступить в роли всезнайки, хотелось расслабиться и плыть по воле волн, наблюдая, куда же ее вынесет течением. Испанское красное вино, налитое в пафосные большие винные бокалы на длинных ножках, было пряным, в меру сухим и удивительно уютным.

– Неплохое вино, – проговорил Артем, сделав первый глоток.

Елизавета тоже пригубила вино из своего бокала и согласно кивнула.

Незаметно отпивая по маленькому глоточку, они непринужденно болтали обо всем на свете. Артем, который планировал устроить Лизе допрос с пристрастием, просто наслаждался общением, словно скинув с себя необходимость принимать решение, которое могло изменить его судьбу. А Елизавете было интересно расспросить его о том, что было с ним до их встречи. Словно составляя полную картинку его жизни из разрозненных кусочков паззла, она интересовалась его детскими увлечениями, его школьными товарищами, юношескими планами, которые придумывались, как тогда казалось, на всю оставшуюся жизнь. Он, не смущаясь, рассказывал, припоминая даже моменты, которые выставляли его в невыгодном свете. Он не стеснялся, и она была благодарна ему за то, что он не старается превратить свою биографию в статью из глянцевого журнала о жизни звезд.

На протяжении этой беседы он не задал ей ни единого вопроса. Она поведала ему лишь те коротенькие эпизоды из своей жизни, которые посчитала уместным вплести в пеструю ткань их разговора. Когда их бокалы опустели, они ощутили себя перед выбором, который в ту минуту был неприятен им обоим. В это мгновение можно было закончить их непринужденную беседу и отправиться домой, оставив недосказанными еще немало историй. Надо было решать, уходить или оставаться. Хотя вслух никто из них этого вопроса не задал, они нашли на него ответ в глазах друг друга.

– Еще по бокальчику? – озвучил предложение Артем, заранее увидев в ее глазах утвердительный ответ.

– Да, пожалуй, почему бы и нет, – она произнесла то, что им обоим хотелось услышать. Они не знали, сколько времени. Береснев не носит часов, а посмотреть на свои Лиза побоялась. Ей не хотелось, чтобы он подумал, что она куда-то торопится. Она действительно никуда не торопилась. Никита был с няней, муж в командировке, поэтому она могла позволить себе настоящий Friday night, расслабленный и умиротворенный. А еще ей не хотелось, чтобы, увидев ее жест, он вдруг засобирался домой, решив, что ей пора или она заскучала.

Публика прибывала, громкость разговоров за соседними столиками постепенно увеличивалась. Артем и Лиза, раньше увлеченные своей беседой, теперь едва ли могли слышать друг друга, поскольку никто из них не отважился нарушить по-пионерски благонадежное и безопасное расстояние, которое их разделяло. Да и выпитый второй бокал вина уже заметно кружил голову и мысли в ней. В Лизиной голове кружились перспективы продолжения этого вечера, но она никак не могла ухватиться хотя бы за одну из них, чтобы детально рассмотреть. Интуиция ей подсказывала, да нет, в рупор кричала в ухо, что не стоит планировать субботний совместный завтрак. По крайней мере, не сегодня. Хотя от поцелуя бы она не отказалась. Но и поцелуй был невозможен в эти мгновения. «Елизавета, ты уже взрослая женщина, и понимаешь, что одним поцелуем дело не может закончиться. Когда случится поцелуй, за ним немедленно последует и все остальное. Чего вам обоим так хочется, кстати. Это обязательно будет, но это будет не сегодня», – про себя заключила она.

Действительно весь вечер слушая простые и забавные истории, рассказанные Артемом в лицах с таким неподражаемым артистизмом, что она живо могла представить себе всех участников каждой из сцен, Лиза боролась с искушением повиснуть у него на шее, молча смотреть в его глаза и вместо слов ожидать поцелуя. Он был не таким, как в офисе: строил забавные гримаски, говорил обо всем открыто, искренне. В нем не было внутреннего напряжения, которое ощущалось в его словах и поступках в рабочее время. Все это делало его безумно притягательным. Лизе не терпелось хотя бы дотронуться до него, чтобы почувствовать тепло его тела, но она сдерживала эти порывы, боясь, что какие-то откровенные действия разрушат установившуюся между ними атмосферу доверия и понимания. Она понимала, что в эти минуты они оба безгранично доверяют друг другу, не ожидая подвоха, не допуская возможности ни одного неверного шага, неточного, неуместного слова собеседника. И Артем, и Лиза знали, что они не поставят друг друга в неловкое положение, которое помешает им впоследствии общаться в привычной рабочей обстановке. Допивая последние капли рубиново-красного напитка, они чувствовали себя невероятно близкими людьми, хорошими друзьями, но еще не любовниками.

– Может, еще? – на этот раз нерешительно произнес Артем, глазами указывая на пустые рюмки. Он не хотел этого предлагать и не ожидал ее согласия. Скорее всего, сделал это из вежливости. А если нет?.. Если ему и правда хотелось еще посидеть?.. Но Лиза покачала головой. Она почувствовала, что следующий бокал явно станет лишним, а время, которое они потратят на его употребление, будет посвящено обдумыванию сценариев окончания этого импровизированного свидания. К этому она была не готова, хотя ей отчаянно хотелось, чтобы он поцеловал ее. Здесь и сейчас.

– Давайте вызовем такси, – предложила она. – Мы изрядно выпили, придется оставить машину здесь.

– Очень правильно, – согласился Артем. – Лиза, можно я Вас провожу?

В одно мгновение Лиза представила, что, провожая ее до дома, он догадается о муже и ребенке. Она боялась, что он почувствует, что романтические отношения в ее жизни давно закончились, и сейчас, находясь рядом с ним, она трепещет, как школьница, в ожидании

первого поцелуя. Она подумала о том, чем может закончиться поездка вдвоем на заднем сидении.

– Уже поздно, Вам, наверное, хочется домой, – опустив глаза, вслух сказала она.

Он хотел закричать: «Нет, ничуть! Мне стоило огромных усилий решиться остаться с тобой наедине в этот вечер, а что получилось?! Неужели я по-настоящему влюбился?!». Осознание очевидного факта стало для него настоящим откровением.

– Это довольно логично, когда мужчина провожает даму домой. По крайней мере, мне так кажется, – сказал Артем. Елизавета промолчала.

Расплатившись по счету, Артем и Лиза направились к вешалке с одеждой. «Еще немного и мы просто упадем друг другу в объятия», – в который раз промелькнуло в голове у Лизы, когда она самостоятельно без помощи своего кавалера какими-то механическими неловкими движениями надевала пальто. Но никакого романтичного эпизода не произошло.

Очутившись на улице, она ощутила, как свежий прохладный воздух останавливает беспорядочный бег мыслей и картинок, роившихся в ее голове. Подъехало такси. Лиза взглянула на часы. Было без четверти двенадцать. Она не могла сосчитать, сколько времени они пробыли вместе, но сейчас точная цифра была не важна. Все это время не показалось ей мучительно долгим и растянутым, вечер пролетел незаметно, оставив при этом приятное послевкусие и приподнятое настроение. Ей было очень радостно, хотелось идти по Москве, такой восторженной и влюбленной, вдыхая полной грудью влажную осеннюю полночь, рассматривая свою счастливую улыбку в отражении витрин и громко рассказывать всем о внезапно нахлынувших чувствах.

– Артем, спасибо за прекрасный вечер, – Лиза сама удивилась своей казенно-официально фразе.

– Вам спасибо, – грустно улыбнулся Береснев. Он открыл заднюю дверь такси.

– Спасибо. Мне было очень… – она с трудом подыскивала слова, садясь в машину.

– И мне тоже, – согласился Артем. – До понедельника.

Глава 6. Сказки на ночь

Любовь должна быть тем, что нас бы наслаждало.
Любовь нам радости без счета может дать.
Я в матери-любви обрел начало.
Благословенна будь навеки эта мать!

Руми

– С тех самых пор я всегда нарезаю ананас именно так, – Артем ловко разрезал тропический фрукт на четвертинки. Очень аккуратно, не повредив зеленую верхушку. – На меня это произвело впечатление, ну, просто понравился такой красивый ананас. Он вырезал жесткую сердцевину и разрезал мякоть на полосочки.

– Вот, смотри, а теперь мы их подвинем так, чтобы они разместились в шахматном порядке…

Пока он колдовал над душистым фруктом, его невеста сидела на диване с бокалом шампанского в руках.

– Ах, Габон-Габон-Габончик, заведу-ка я свой патефончик, – напевал Артем, ловко орудуя ножом и превращая ананас в произведение искусства. – Я сказал, что так ананас нарезали именно в Габоне, в гостинице, где мы останавливались?

– Нет, ты обещал рассказать триллер про свои приключения с паспортно-визовой службой.

– У тебя закончилось шампанское. Без стакана это выслушать невозможно, – улыбнулся он и добавил пузырящейся жидкости в ее бокал.

– Ну, рассказывай, – она подбодрила его.

Он сел на диван рядом с ней.

– Ты ешь ананас. Ананасы в шампанском, еще классик писал об этом.

– Угу, – кивнула она. Сказать что-то членораздельное не было возможности, потому что газ от шампанского ударил в нос. – Ты говори, говори.

– Даже, когда вспоминаю об этом, мороз по коже. Вот представь… Стоим мы на летном поле и смотрим в безоблачное небо Эритреи, – проговорил Артем, и Ума невольно подняла глаза вверх, а потом посмотрела на рассказчика, – а оно безоблачное, с высокими звездами и полумесяцем, который не как у нас в виде буквы «С» висит, а выглядит как улыбающийся рот, с уголками губ, поднятыми вверх.

– Да, – протянула Ума, – это же почти экватор.

– Точно, пятерка тебе по географии, – согласился Артем, – а потом приехали мы домой, вроде начинает отпускать, но еще немного потрясывает. Я и говорю: «Мужики, давайте-ка жахнем водки».

– А какая там водка? Кактусовая? – поинтересовалась Ума.

– Солнышко, какие кактусы? Это же не Мексика, – Артем снисходительно скосил глаза в ее сторону, – да обыкновенная, русская водка. Какая еще, наши ее и привозили.

– Слушай, а вообще, что вы там пили?

– Да все пили, – едва улыбнулся Артем. – Там есть джин местного розлива, коньяк… Наши ребята так его и называли «когнак», по типу что мы по-английски и этикетку прочесть не можем. Вообще-то недостатка в алкогольных напитках там не было: и пиво было, и вино из Южной Африки. Недорогое, каких-то пять, как мне помнится, баксов за бутылку. Или в пакетах. Но качество тоже достойное, и в бутылках, и в пакетах, достойное такое сухое вино.

– Но русская-то водочка по-любому лучше будет, – предположила Ума.

– Но это такой стресс был, Умка, ты себе представить не можешь. Кроме нашей родимой водочки ничто не могло бы с таким справиться.

Он помолчал, припоминая все подробности. Ему показалось, что он снова оказался под палящими лучами африканского солнца, но он невольно содрогнулся от пробежавшего по спине холодка.

– Бррр, – он передернул плечами, стараясь отогнать не очень приятное воспоминание.

– Ну и что все-таки случилось в твоей Эритрее-то?

Артем устало потер глаза. Уме очень нравилось, когда он снимал очки. Он на считанные доли секунды становился таким теплым и близким, как будто до этого он отгораживался ото всех стеклами очков, а как только их снимал – становился своим и родным. Тема раздумывал, стоит ли рассказывать ей ту историю. В пересказе всегда терялись эмоции и детали, ситуация теряла драматизм, который ему так хотелось бы передать. Может быть, она посмеется над всеми его волнениями, с каждым рассказом переживаемыми в сотый, а то и в двухсотый раз.

– Началось все с того, что за какие-то два часа до вылета эти африканские товарищи пограничники тихо и корректно останавливают наших мужиков в аэропорту, – быстро проговорив эти слова, Артем сделал паузу, следя за реакцией слушательницы, – и говорят, что данными российскими гражданами был нарушен паспортный режим. Мы сначала подумали, что шутки шутят наши африканские друзья. Поверь, я же специально узнавал, когда наши прилетели, сам уточнял у них, у этих негров, что никаких дополнительных штампов, виз, вообще ничего не надо было получать. Они же мне сами так и сказали, что все документы у наших в полном порядке. А тут, смотрю, все по-взрослому, задерживают наших мужиков на паспортном контроле. Говорят, за такое нарушение собираются отвезти в тюрьму, потом суд, уплата штрафа и только после этого обещают выдать визы и выпустить.

– Я не разбираюсь в этих паспортных режимах, но, судя по твоему рассказу, ситуация была фиговая, – присвистнула Ума.

– Я метнулся в паспортно-визовую службу, те говорят, о’кей, мы выдадим визы, но только для этого нужны квитанции об оплате штрафа, и фотографии. А где, блин, мне в этой пустыне фотографировать пару десятков мужиков в семь вечера, а? Но и это еще не все, – Артем налил себе шампанского. – Эти африканские гады требуют судебное предписание, и только после этого они выдадут нашим продление виз, а так, – ни в какую, мол, нарушили закон, будут отвечать по всей строгости.

– Ну и что ты сделал?

– Мужикам говорю, ищите фотографии, где хотите, хоть из паспортов российских вырезайте. Сам пару звонков кому следует, делаю. Мужики мне говорят, мол, Тема, не волнуйся, все будет, вези фотографии, сделаем все документы. Все-таки мы выкрутились

тогда, – он почему-то не захотел рассказывать дальше. – Слава Богу, помогли мне тогда. Мир не без добрых людей. – Артем снова замолчал.

– Расскажи мне еще про свои африканские приключения, а? – Ума лежала у него на плече, а он рукой прижимал ее к себе, нежно гладя ее руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.